

АРМИТЭДЖ
ТРЭЙЛ

ЛИЦО СО ШРАМОМ

Роман-легенда, породивший два культовых фильма

Кинопремьера мирового масштаба

Армитэдж Трэйл
Лицо со шрамом

«ЭКСМО»

1930

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Трэйл А.

Лицо со шрамом / А. Трэйл — «Эксмо», 1930 — (Кинопремьера мирового масштаба)

ISBN 978-5-04-104157-1

Брутальная история на основе жизни Аль Капоне. Настолько откровенная, что этот король преступного мира даже послал к автору своих головорезов, чтобы те объяснили, чего может стоить такая правдивость. Но он слегка опоздал. Армитэдж Трэйл вспыхнул на небосклоне — и тут же сгорел, не дожив до 30. А его роман имел невероятный успех. Он стал золотой классикой криминальной литературы и останется ею навеки. По нему сняты два культовых фильма — Говарда Хоукса и Говарда Хьюза в 1932 г. и Брайана де Пальмы с Аль Пачино в главной роли в 1983 г. Готовится современная экранизация с участием режиссера «Тренировочного дня» Антуана Фукуа и Теренса Уинтера, сценариста «Клана Сопрано» и «Подпольной империи». Тони Гуарино вырос в Чикаго, в мире, где гангстеры — герои, а полицейские — враги. Где вести жизнь законопослушного гражданина — значит прозябать в нищете. Выбор невелик. Но юноша не хочет быть рядовым преступником. Он считает, что его удел — власть над криминальным подпольем. И готов добиваться этого, не испытывая и намека на страх. Поэтому уже в восемнадцать лет он решился на то, о чем боятся даже думать самые отъявленные бандиты, — прикончить всемогущего босса Аль Спинголу... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104157-1

© Трэйл А., 1930

© Эксмо, 1930

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Армитэдж Трэйл Лицо со шрамом

Глава 1

Тони Гуарино, по воле судьбы ставший величайшим гангстером Америки, совершил первое серьезное преступление в восемнадцать лет. Причиной была женщина, что, в общем-то, не ново. Но какая женщина!.. Тони грезил о ней в темном переулке под стальной служебной дверью в дешевое бурлеск-кабаре. Высокая статная блондинка с золотистыми волосами и точеными ножками, которыми он с неизменным замиранием сердца любовался столько раз во время танцев на сцене.

Дверь распахнулась, и квадрат желтого света выхватил из темноты толпу разряженных мужчин и юнцов, подобных стае волков, вышедших на ночную охоту. Через мгновение раздался глухой лязг, и переулок вновь погрузился во мрак, а толпу стремительно рассекла девушка, которая будто не замечала рук, что тянулись ее задержать, и грубых голосов, выкрикивавших нахальные предложения.

Это была она! Никто, кроме Вивиан Лавджой, не пользовался духами с таким тяжелым чувственным ароматом. Тони бросился следом, к огням шумной улицы.

Девушка помедлила на тротуаре – сияющая поддельными драгоценностями грациозная фигурка в чересчур ярком зеленом костюме со слишком короткой и тесной юбкой. Люди трезвомыслящие, несомненно, сразу распознали бы фальшивку и опасную соблазнительницу, но Тони считал Вивиан восхитительной и неимоверно желанной богиней.

Он подошел и снял кепку: жест, подсмотренный в кинофильмах, единственном источнике его познаний о хороших манерах.

– Добрый вечер, мисс Лавджой!

Девушка повернула к Тони лицо, которое представлялось ему столь прелестным. Он не понимал, что ее румянец так же фальшив, как и драгоценности, не видел следов беспутной жизни под слоем косметики, не замечал ни жестоких складок вокруг кричаще яркого рта, ни хищности напудренного крупноватого носа.

Вивиан разглядывала его с растущим презрением, зеленоватые глаза странно сверкнули.

– Ты! – фыркнула она. – Опять.

– Нет, до сих пор. – Тони рассмеялся собственной шутке, казавшейся ему верхом остроумия. – И не отцеплюсь, пока не пойдешь ко мне на свиданку.

Она хохотнула резким невеселым смехом, больше похожим на хрюканье.

– Не, видали смельчака? – Вивиан словно обращалась к незримой публике, но ее холодные зеленые глаза впились в его дерзкие и черные. – Какой-то мальчишка, даже без машины, приглашает на свидание. Меня! Слушай, малыш, ты хоть знаешь, кто мой парень?

– Нет, да и какая разница? – беспечно ответил Тони, в котором заговорила жаркая итальянская кровь. – Им буду я.

– Вообще-то мой парень – Аль Спингола.

Сердце Тони будто стиснул холодный кулак. Аль Спингола... главарь одной из влиятельных городских банд, безжалостный, с тугой мошной и кучей шестерок, верность которых куплена страхом и хорошими деньгами, да и сам в случае чего горазд жать на спуск. С таким лучше не связываться!

– Хм, спорим, я симпатичнее, – не отступался Тони.

– Может, и так, – кивнула Вивиан, – зато он способен дать девушке кое-что посущественней поцелуев... Так что, малыш, когда найдешь бабки и мотор пофорсовее, обращайся. Глядишь, и поговорим.

Она снова засмеялась и шагнула к тротуару, у которого резко затормозил блестящий лимузин. Тони было ринулся за ней, но застыл, узнав крупного смуглого человека за рулем. Аль Спингола! Безбашенность в черных глазах и толстогубый жестокий рот. Красивый серый костюм, огромный бриллиант в галстук, однако все знают, что самая важная часть туалета удобно лежит в кармане у бедра. Тупоносый револьвер из вороненой стали показывается на люди редко, но если уж Спингола пускает его в ход, кто-то расстается с жизнью. Скажешь хоть слово Вивиан – верная смерть. Конечно, не сейчас: место слишком людное, но через несколько дней труп найдут в каком-нибудь переулке.

Пока девушка садилась в машину, Спингола бросил взгляд на Тони. По спине у парня пробежал холодок. Успокоиться удалось, только когда дорогой автомобиль с урчанием исчез из виду. Такие, как Спингола, всегда давят на газ до упора, чтобы не стать легкой мишенью. Проводив взглядом гангстерского главаря, Тони надел кепку и закурил, после чего отправился в бильярдную за углом, в которой околачивался большую часть времени. Там он сел на высокий табурет и стал искать решение своей первой взрослой проблемы. Несмотря на необразованность, его ум обычно действовал быстро и четко, но теперь ясно мыслить мешало неодолимое чувственное желание. Ни к кому в жизни Тони так не влекло, хотя, конечно, он уже встречался с девушками по соседству. Если парень настолько хорош собой, это неизбежно, только почему-то те девушки его не устраивали. Хотелось чего-то более серьезного, более зрелого, чем мелкие, чисто плотские переживания, которые они предлагали.

Тони выглядел слишком взрослым для своего возраста, что в целом характерно для парней из подобной среды. Ему дали бы лет двадцать пять. Впечатлению способствовали пронизывающий взгляд, циничная складка губ и синева щетины на смуглых щеках. Да и род людской с его вывертами он успел узнать, как иным не удастся и за всю жизнь. Забросьте его без гроша за душой в любой город мира, не пропадет с голоду. Причем красть не пришлось бы: воровство для безмозглых. Тони презирал воров, в особенности промышлявших мелкими кражами.

– Эй! – шепнул на ухо грубый голос.

Подняв голову, Тони увидел крысиное лицо под грязной и мятой клетчатой кепкой.

– Чего тебе?

– Кое-кто из ребят собирается грабануть пару автозаправок. Айда с нами?

– Нет.

– Дележка на всех поровну.

– Нет, сказал. Не хватало еще сесть за пару баксов.

– Да ладно тебе, Тони! Там поболее будет. С каждой сострижем по пятьдесят-шестьдесят зеленых, а на дело идут всего четверо.

– Заткнись! – рявкнул Тони. – Не то сам тебя заткну.

Бурча под нос, собеседник поспешил прочь. Для других парней из бильярдной Тони был загадкой. Они так с ним и не сблизались, им это даже не пришло в голову. Все понимали, что Тони другой, да и сам он тоже, однако чем именно отличается, никто не знал. Какой-нибудь психолог объяснил бы это превосходством в умственном плане, разницей между человеком, которому судьба предназначала стать вожаком, и рядовыми особями в стае. Окрестные ребята каждый вечер промышляли грабежами, но, разумеется, не в своем районе. Зачем злить олдермена? Пока закон нарушался не на его участке, он помогал им выйти на свободу в случае ареста, приходил в полицию и рассказывал об их безупречной репутации. За это в день выборов мелкие бандиты не только голосовали за него по пятнадцать-двадцать раз, но и обходили целой ордой свои кварталы, грозя всем жителям суровой расправой, если олдермена не переизберут.

большинством голосов. И люди, сознавая, что это не шутка, переизбирали олдермена, хотя знали, что старик сам бандит еще тот.

От участия в ночных вылазках за несправедливыми благами Тони всегда отказывался. Его не интересовало «жалкое воровство», как он с презрением отзывался об этих набегах. Парень хотел стать большой шишкой, боссом, возможно, политиком. Жаждал власти, влияния, богатства. И твердо вознамерился их получить. А пока одевался лучше соседей и, похоже, не нуждался в деньгах, хотя, насколько все знали, нигде не работал и отказывался встать по их примеру на путь преступления. Многие гадали, где Тони берет средства, однако, поскольку сам он ничего не рассказывал, этому, по всей видимости, предстояло остаться загадкой, потому что в его родных местах не спрашивали об источниках дохода даже у близких друзей. А у Тони близких друзей не было.

У двери бильярдной внезапно поднялась суматоха, внутрь зашли несколько крепышей. Часть посетителей метнулась к черному ходу, но там их встретили другие крепыши и водворили обратно. Легавые, ясное дело. Облава.

Зная, что ничего на него у них нет, Тони с легким весельем и изрядной долей бесстрашия наблюдал, как сыщики расхаживают по задымленному полутемному помещению, прохлопывают бедра, задают вопросы и время от времени затыкают оплеухой рот какому-нибудь мелкому бандиту, посмевавшему огрызнуться. Как Тони и ожидал, его никто не тронул.

– Этот малый чист, – бросил мужчина, в котором он узнал лейтенанта Грэди из соседнего участка. – Брат Бена Гуарино.

– Ничего не значит, – хмыкнул плотный полицейский с холодными глазами. Судя по бесцеремонности, шишка из главного управления.

– Для Тони значит! – бросил Грэди. – Мы не слыхали, чтобы он хоть раз нарушил закон.

– Спасибо, лейтенант! – улыбнулся Тони. – Можно угостить вас с парнями сигарой?

«Парни» дружно рассмеялись в ответ. Все по возрасту годились ему в отцы. Степенно и невозмутимо, как судья на процессе, Тони провел толпу полицейских к стойке и купил каждому по сигаре. Вскоре, пожелав ему приятного вечера, копы удалились.

Тони давно понял, насколько полезно быть на хорошем счету у полиции. Также он знал, какую большую власть имеешь над тем, кто тебе обязан, пусть даже мелочью вроде сигар. Сам он редко принимал что-то от других, но если все же случалось, старался отплатить вдвойне, таким образом перекладывая бремя морального долга. Тони был прирожденным политиком.

От сперттого, прокуренного воздуха разболелась голова, и он решил пойти домой. В округе, если не считать редких оазисов наподобие бильярдной, царил мрак запустения. Фонари попадались нечасто, да и эти считанные единицы были старомодными газовыми и больше шипели, чем светили – точь-в-точь как некоторые люди: шуму много, а толку мало. Даже в отсутствие дождя стояла нездоровая сырость. Облезлые старые здания угрюмо нависали над узкими грязными улочками, таращась с первых этажей слепыми заколоченными окнами. Там, где днем собирались лоточники с ручными тележками, валялись коробки, бумага и кучи вонючего хлама. Изредка проносилась машина, и отголоски ее мотора еще долго гуляли по пустынным переулкам. Аура неуловимой угрозы заставляла впечатлительных чужаков беспричинно оглядываться.

Здесь был край гангстеров, их гнездовище, убежище и одно из основных охотничьих угодий. А еще здесь Тони вырос и лучшего места не знал. Великая цепь случайностей, паутина чересчур сложная для понимания, постепенно определяла его судьбу с первого вздоха, и не встать на путь преступления ему было столь же трудно, как наследному принцу отказаться от короны.

Наконец впереди замаячил бакалейный магазинчик родителей, над которым жила вся семья. Тони прошел к задней двери, повернул ключ в замке и стал подниматься по грязным ступеням без ковра. В столовой, также служившей гостиной, горел свет. В выдавшем виды

кресле-качалке, кое-где подмотанном проволокой, развалился с газетой Бен Гуарино. Ноги в синих форменных брюках и тяжелых черных ботинках с тупыми носами были заброшены на грязную скатерть в красно-белую клетку. Со спинки другого хлипкого кресла, на котором лежали форменные мундир и фуражка, свисал зачехленный револьвер.

Заметив младшего брата, Бен, коренастый малый лет двадцати пяти, оторвался от газеты. Его рот и подбородок свидетельствовали о жестокости, дерзкие черные глаза, как всегда, недобро поблескивали. По ряду причин, которые Тони держал при себе, он считал, что брат добьется в правоохранительных органах большого успеха. Для Тони полицейский отличался от гангстера только значком. Выходцы из одних и тех же кварталов, знакомые с детства и с одинаковым образованием, они всегда хорошо ладили, если у гангстеров водились деньги.

– Почему так поздно? – буркнул Бен.

– А тебе что за дело? – огрызнулся Тони, затем вспомнил, что собирается просить об услуге, и стал покладистее. – Извини, не хотел грубить. Просто жутко болит голова.

– Небось опять околачивался в притоне О’Хары?

– Ну, не все же дома сидеть. Выбор невелик: либо туда, либо в танцзал к дешевым шлюхам.

– Ишь ты, какой разборчивый!

– Угу.

– И правильно, – ухмыльнулся Бен. – Баба, она как судьба: и в облака поднимет, и в грязь втопчет. – Внезапно он скинул ноги на пол и, подавшись к брату, впился взглядом ему в глаза. – Слушай, говорят, ты доставляешь пакеты Копченому Джо?

– Кого волнует?

– Ты вообще в курсе, что там травка?

– Нет, теперь запрошу с него больше.

– Бросал бы ты эту дрянь.

– Ясно. Небось уже кто-то из копов наябедничал. Ладно, пусть забирает эту работенку, если хочет. Мне и так есть чем заняться.

– Судя по тому, что мне рассказывали, – да. Значится, на стреме у игорного притона Майка Рафферти тоже стоял ты?

– Да. Почему бы и нет? Это честный способ заработать пару баксов. Неужто лучше промышлять грабежами, как остальные ребята в округе?

– Конечно, нет. – Бен подался вперед и заговорил серьезно: – Не вздумай угодить в серьезные неприятности. Иначе моей карьере в полиции крышка.

– Не попаду, будь спок. За собой лучше следи.

– К чему ты клонишь?

– Ни к чему, – с принужденной улыбкой ответил Тони, наслаждаясь внезапным страхом на лице брата. – Просто дружеский совет от одного парня, который знает больше, чем ты думаешь.

– От кого? – потребовал Бен.

– От меня, – снова ухмыльнулся Тони, стряхивая сигаретный пепел прямо на голый пол. – Слушай, Бен, можно завтра взять твой мотор?

– Нет, самому понадобится. У меня выходной.

– А послезавтра?

– Нет, угодишь еще на нем в неприятности. Машины детям не игрушки.

– Ладно, у меня скоро своя будет, и я заполучу ее так же легко, как ты.

С этой прощальной шпилькой Тони хлопнул дверью и отправился спать. Как при жалованье в полторы сотни честным путем приобрести автомобиль за почти три тысячи долларов, было выше его понимания. Тем не менее все полицейские ездили на больших машинах, а

начальство владело многоквартирными домами и отсылало детей учиться в европейские частные школы.

Странная тишина, что опускалась ночью на дом Гуарино, была бальзамом для души Тони. Только эту часть суток он мог провести в родных стенах, не опасаясь за свой рассудок. Остальное время здесь стоял шум и гам... шум и гам. Интересно, спрашивал себя Тони, у других дома столь же негостеприимны и отвратительны?

Быстро раздевшись, он забрался в засаленную постель, которую делил с Беном. Хотел заснуть до прихода брата, чтобы избежать очередной ругани, но мысли снова и снова возвращались к Вивиан Лавджой. Стоило подумать о девушке, как бросало то в жар, то в холод. Она станет моей, дрожа от предвкушения, обещал себе Тони. Никто меня не остановит, даже Аль Спингола. Плевать, что Вивиан принадлежит другому. Жизнь – борьба, и куш срывают более сильные. Так или иначе, Вивиан обещала поговорить, надо только найти машину и бабки. Что ж, и то, и другое будет, и завтра вечером он снова пойдет караулить к двери.

Глава 2

На следующий вечер в пол-одиннадцатого Тони Гуарино исправно явился в темный переулок к железной двери «Театра радости». Шагал он гордо, чувствуя себя большим и сильным. Приподнятое настроение отчасти объяснялось тем, что по пути он, против обыкновения, завернул в три салуна, но в основном готовностью ко всему. У обочины остался ждать дорогой спортивный родстер, обычно привлекавшийся на службу для более нечестивых дел. Тони нанял его на вечер, а почему, сам не понимал. По словам знакомых, украсть машину было проще некуда, а попадались на угонах нечасто. С них начинал чуть ли не каждый местный гангстер. Просто Тони не хотел, чтобы его прищучили на первом свидании с Вивиан – а она почитает его своей компанией, пусть даже пока об этом не знает! Карман брюк оттопыривался от банкнот: в общей сложности две сотни долларов – все деньги Тони. Первой, в качестве обертки, шла новенькая хрустящая сотка, внутри же, помимо нескольких пятерок, лежали в основном однодолларовые, благодаря чему сверток выглядел в десять раз дороже.

Итак, Тони явился со всем, что просила девушка, и не только – в правом кармане пиджака лежал грозный черненый револьвер, купленный тем же вечером. Как оказалось, ходить с ним было очень приятно. Оружие дарило ощущение безопасности и силы, уравнивало с остальным миром. Ба, да с пушкой в кармане он ничем не хуже Аль Спинголы!

Так накручивал себя для храбрости Тони, хотя в глубине души задавался вопросом, что станет делать, если придется схлестнуться со Спинголой в схватке не на жизнь, а на смерть.

Вивиан вышла раньше обычного – блистательная и благоуханная, как всегда. Ее жесткое лицо обрамляла шляпа с громадными полями.

– Божечки! «У Мэри был барашек»¹. Наш прилипала снова за свое.

– А то! – ухмыльнулся Тони. – Кстати, я раздобыл бабки и мотор, как ты хотела.

– Правда? – насмешливо ответила она. – Да ты, пострел, выбиваешься в люди!

С лица Тони слетела улыбка.

– Знаешь, сестренка, кончай дурачиться! – буркнул он, схватив ее за руку. – Мы с тобой сегодня прошвырнемся.

– Да?

– Да! Так что решай уже и пошли.

– Ладно, – устало согласилась она. – Все равно до завтра с ухажером не свижусь, почему бы и не дать тебе шанс? Но смотри, чтобы нас не застукали вместе, не то Аль прослышит. – Вивиан чуть вздрогнула. – Он опасен, малыш. Так что поезжай к углу Тейлор и Сангамон и жди. Я возьму такси и буду минут через пять.

– Не наколешь?

– Ни в коем разе.

– Смотри у меня, – пригрозил Тони. – Не то завтра подниму в твоём кабаре такую пальбу, мало не покажется.

Он сел в родстер и с ревом унесся, чувствуя себя важной шишкой. На условленном углу побурчал под нос в нетерпеливом ожидании, суля обманщице страшные кары, но она все-таки явилась и торопливо села рядом. От соприкосновения бедер, в тесноте машины прижатых друг к другу, Тони пронизала внезапная дрожь. Вивиан метнула на него взгляд, и в ее зеленоватых глазах вспыхнул странный огонек – она ощутила револьвер.

– Не бойсь, крошка, – ухмыльнулся Тони. – Я пушу его в ход, только если приспичит.

Молодые люди поехали в ресторан на Северной стороне, известный уединенностью своих столиков. Устроились друг против друга в отдельном кабинете наверху и заказали изысканные

¹ Американская детская песенка о барашке, который всюду ходил за хозяйкой.

дорогие блюда и две бутылки шампанского. В те дни настоящее шампанское еще подавали чуть ли не в каждом ресторане.

После еды, когда на столе остались лишь вторая бутылка и пара фужеров, Тони пересел ближе к Вивиан. Та уже дошла до стадии, на которой время от времени с шумным «Уф!» остужала лицо дыханием – словно пыталась сдуть волосы с глаз.

– Ну, детка, как себя чувствуешь? – потянулся Тони к ее руке.

– Малек жарковато, – хохотнула она.

– Мне тоже.

Тони завез ее домой почти в пять утра. Поцеловав кавалера на прощание, Вивиан с тяжелым вздохом выбралась из машины.

– Черт, а ты умеешь любить! – обессиленно прошептала она и поплелась в свой дешевый отельчик.

В тот день Тони проснулся за полдень. Чисто выбрившись, он не пожалел пудры и в конце концов придал себе менее измученный вид. Настроение было странно приподнятым, внутри все будто пело. Наконец-то он покорила настоящую женщину, много старше и опытнее себя. А заодно обнаружил, что и в любви предпочитает главенствовать. Жажда власти превращалась чуть ли не в наваждение. И от понимания того, что в силу обстоятельств у него вряд ли когда-либо будет власть, ее хотелось еще больше.

Сестра, Роза, высокая красивая девушка шестнадцати лет, приготовила ему завтрак. Шестеро остальных детей были в школе. Тони ел торопливо и молча. Впереди ждали дела.

С лестницы долетел грубый оклик матери. Тони мгновение поколебался и с мрачно-дерзким видом вошел в семейный магазин. Миссис Гуарино, приземистая, сморщенная итальянка лет пятидесяти, походила на неплотно набитый куль, туго перетянутый посередине. Огромная грудь вываливалась из мешковатого халата застиранного мышиного цвета, седые волосы были склота на макушке в тугий пучок – модные эмансипированные красотки со стрижкой «боб» при виде такого только фыркнули бы. В ушах висели аляповатые тяжелые серьги из золота. И все же, несмотря на неприглядный и дикарский вид, лицо у нее отличалось правильностью черт и свидетельствовало о природном уме и честности натуры. Карлотта Гуарино была законопослушной гражданкой. Ей бы еще и детей воспитать такими же, как сама и муж...

– Где тебя носило? – выпалила она по-итальянски. – Ты явился домой в шестом часу.

– Да так, был деловой разговор, – на английском ответил Тони.

– Деловой разговор в такое время? – снова напустилась она по-итальянски. – Чтобы приходил домой раньше! Был паинькой, как Бен! Нам не нужны неприятности!

– Ладно, – пообещал Тони и поспешил удалиться.

Вечно одно и то же: упреки, подозрения, предостережения. Подумаешь, пришел поздно!

Тони ни разу не пришло в голову, что родители просто стараются привить детям собственные нравственные нормы: слишком уж грубо те насаждались. Впрочем, даже осознав конечную цель, он не принял бы их. При всей любви к отцу и матери, подпитанной итальянской преданностью родному клану, Тони с пренебрежением относился к их представлениям о жизни. На то существовало много веских причин: родительская неспособность выучить английский, а также шагать в ногу со временем, растерянность, которую – даже спустя двадцать лет – внушала им великая страна, избранная новым домом, само то, что их большая семья еле сводила концы с концами, хотя отец гнул спину с утра до вечера, а мать обслуживала их крошечную лавчонку. С какой стати Тони должен принимать родительские представления о морали? Куда бы они его привели? Парень собирался вырваться из нищеты, хотел стать большим человеком. И вот очередная честная семья дала очередного гангстера – итог столь же неизбежный, как рождение жемчуга из раковины моллюска.

Разумеется, на бандитскую стезю Тони привели и другие обстоятельства. Взять хотя бы его отношение к закону. Впервые он столкнулся с властями еще шестилетним, когда, проголо-

давшись, стянул грушу с тележки торговца, а полицейский бросился вдогонку. Так с первых лет жизни Тони понял: закон – враг, а не защита, и будет вечно стоять между ним и его желаниями.

Под влиянием романа с Вивиан все это будто выкристаллизовалось, и парень стал вести себя с жестокостью и презрением к правилам, прежде ему несвойственными.

Из телефонной кабинки в аптеке на углу он позвонил Вивиан в ее дешевую гостиницу.

– Привет, милая! Как себя чувствуешь?

– Так себе, – пробормотала девушка явно спросонья.

– Я и сам порядком устал, – признался Тони. – Однако ночь мы провели на славу, так что какая разница... Слушай, Вив, не забыла, что у нас сегодня новое свидание?

– Сегодня я встречаюсь со Спинголой.

– К черту его! – вспыхнул Тони. – Аль больше не твой парень. Усекла? А если начнет выпендриваться, я о нем позабочусь. Если надо, соберу головорезов не меньше, чем у него. Так что ни о чем не волнуйся. Приходи сегодня пораньше – все равно он заявится только к ночи, – встретимся на том же углу, что вчера. И, крошка, не вздумай отказать, не то пожалеешь.

Остаток дня он наводил порядок в своих гешефтах, перебирая по списку «дойных коров». Несколькими звонками напомнил о себе тем, о ком подзабыл, а еще несколькими завел новых жертв, хоть и не самых популярных, но суливших выгоду. Теперь Тони мог позволить себе иметь дело только с самыми денежными, поскольку что-то подсказывало: Вивиан обойдется недешево.

Вечером он пришел в бильярдную раньше обычного. На соседний стул взгромоздился какой-то мордоворот и ткнул Тони в бок.

– Ну? – холодно осведомился парень, с удивлением оглянувшись.

– Ты ведь Тони Гуарино?

– Да, а что?

– Да так, ничего. Продолжишь гулять с девчонкой Спинголы – не протянешь и недели. Сам босс просил передать.

– В смысле? – грубо спросил Тони, хотя прекрасно знал ответ.

– Не прикидывайся тупицей. Не то найдут тебя однажды ночью с перерезанным горлом в каком-нибудь переулке.

– Я не боюсь ни Спинголы, ни его шайки, – с показной храбростью рассмеялся Тони. – Пушка, как ни крути, лучше ножа, а стреляю я почище любого из них. Так что, сынок, дуй-ка ты отсюда и передай своим дружкам сто раз подумать, прежде чем ко мне соваться.

Расхохотавшись прямо в удивленное рыло шестерки, Тони с глумливой улыбкой смотрел, как тот убирается восвояси. В кармане пиджака, успокаивая, по-прежнему лежал револьвер. Даже удивительно, сколько храбрости придавало Тони оружие. Оно было словно мостик от Давида к Голиафу – с прирожденными гангстерами всегда так.

Также тем вечером Тони договорился со знакомым – тот хорошо стрелял и отныне должен был повсюду следовать за ним в темное время суток, чтобы защищать спину.

Приехав на условленный угол, Вивиан дрожала и испуганно озиралась, пересаживаясь из такси к Тони в родстер.

– Тони, мне страшно. – Схватив его за руку, она обернулась через плечо и вскрикнула: – Ой! За нами какая-то машина увязалась.

– Не волнуйся, это мой телохранитель.

– Ясно... Знаешь, сегодня, как только я вошла в кабаре, мне заступил дорогу премерзкий на вид тип и сунул в руку записку. Не удивилась бы, уколошь он меня прямо на месте. В гардеробной я прочитала... Карандашные каракули, едва разобрала. Вот что там было: «Прокинешь меня еще раз, и твоей жизни грош цена. Запомни!» Аль прислал, кто же еще.

– Угу. Один из его балбесов попытался припугнуть меня сегодня в бильярдной, а я сказал, что не боюсь ни Спинголы, ни кого еще.

Они поехали в тот же ресторан, что накануне, в тот же отдельный кабинет. Через полчаса дверь распахнулась. На пороге, кипя от гнева, стоял Спингола. Его смуглое лицо стало пепельно-серым, глаза полыхали адским пламенем, жестокие губы кривились в недоброй усмешке, но главное – правая рука была глубоко в кармане.

Тони, позеленев, застывшим взглядом смотрел на Спинголу. Встреча все же произошла и теперь явно закончится чьей-то смертью.

– Аль! – придушенно вскрикнула Вивиан. – Не надо...

Тони и Спингола смотрели друг другу в глаза. Парень нервничал: первого человека убить не просто.

– Ну что, мерзавцы, не вняли предупреждению? Думали, меня облапошите и ничего вам за это не будет?

– А ты кто такой? – Тони знал, что это лучший способ ошарашить противника.

– Я? – выпалил Спингола. – Сейчас узнаешь...

В этот миг Тони выстрелил прямо через карман. Удачно потянувшись за носовым платком, как раз когда появился Спингола, он незаметно положил руку на оружие. Преимущество все время было на его стороне, и он лишь отвлекал противника, чтобы действовать наверняка.

Спингола с удивленным видом осел на пол. Тони быстро стер платком отпечатки пальцев с револьвера и через окно вышвырнул его в переулок вниз.

– Идем, дорогая. – Он невозмутимо взял дрожащую Вивиан за руку.

Теперь, сделав дело, Тони ощущал странное спокойствие. Чувствовал себя по-настоящему сильным и готовым ко всему.

Оставив на столе пятидесятидолларовую банкноту, он торопливо повел спутницу к лестнице черного хода. На улице оба сразу же сели в родстер и, когда через парадную дверь в ресторан стремительно вошли два полицейских в форме, уже уносились прочь по крошечной темной улице. Парень не волновался. Конечно, владелец и официанты дадут их описание, но оно будет туманным, а то и ложным, и никак не поможет полиции.

Глава 3

Убийство Спинголы вызвало большую шумиху. Оно произошло накануне вступления Америки в Первую мировую войну, задолго до того как гангстеры обрели хотя бы подобие нынешних влиятельности, богатства и тяги к изощренным убийствам. Нечастая поножовщина не привлекала особого внимания, а настоящие перестрелки происходили редко. Спингола чуть ли не первым в преступном мире стал насаждать власть силой оружия, и его столь неожиданный вылет из игры привел в сильное замешательство остальных гангстерских вожakov. Теперь они уже сомневались, действительно ли оружие – лучший источник власти.

Утром после стычки Тони встал рано и чувствовал себя не совсем хорошо. Первым делом он попросил мать зашить опаленную дырочку в пиджаке, которую якобы прожег сигаретой, после чего мудро решил больше не надевать этот костюм на улицу.

Для начала он отправился в салун, принадлежавший Клондайку О'Харе. За стойкой стоял сам Клондайк, дородный багроволицый молодой ирландец. Главарь банды, он славился в родном районе любовью пускать пыль в глаза и был одним из самых заклятых врагов Спинголы.

– Я Тони Гуарино, – представился парень. – С Тейлор-стрит.

– И?

– Небось читали, что вчера вечером Спингола получил по заслугам?

– Ну да, – осторожно ответил Клондайк, жуя черную сигару.

– Знаю, вы были с ним не в ладах, вот и подумал: если меня вдруг возьмут за его убийство... может, проследите, чтобы я получил хорошего адвоката?

– Тебя? Ты че, пришил этого гада... такой вот мелкий шпаненок?

– Я так не говорил, – невозмутимо ответил Тони. – Просто пришел узнать, не можете ли в случае чего с адвокатом.

– Еще бы! Теперь ты здесь желанный гость. Парни с яйцами всегда нужны.

– Спасибо!

Из салуна Тони двинулся в гостиницу, где остановилась Вивиан. Та открыла заплаканная и сама не своя, но за нервозностью проглядывала неожиданная жесткость, а в зеленых глазах, полных слез, появился блеск, не суливший ничего доброго. Интересно, догадывается ли она, как много для него значит ее молчание, спрашивал себя Тони. И решил, что, по всей видимости, догадывается.

– Ты забрал у меня Спинголу, – всхлипывала она. – Теперь должен обо мне заботиться.

– Не ной! – буркнул Тони. – Я и так собирался. Давай снимем тебе для начала хорошую квартиру.

Итак, в течение суток Тони Гуарино совершил первое убийство, присоединился к настоящей банде и взял сожительницу. В криминальных кварталах жизнь течет стремительно.

Родительский дом Тони покидать пока не собирался: отец с матерью поняли бы это неправильно.

Он вновь пересек линию между владениями ирландцев и итальянцев и направился было к салуну О'Хары, когда у обочины со скрежетом тормозов остановилась тяжелая машина.

– Эй, парень! – позвал хриплый голос. – Поди сюда.

Тони подмывало броситься в бегство, но машина принадлежала Детективному бюро, а значит, оттуда начали бы стрелять. Поэтому он спокойно подошел.

– Залезай! – скомандовал грузный верзила и практически втащил Тони в кузов.

Машина умчалась. Прибыв в бюро, вся компания с задержанным посередине поднялась в зал совещаний на втором этаже.

– Думаю, ты слышал, что вчера пришили Спинголу, – начал мужчина, похожий на главного.

– Да, – согласился Тони. – Прочел в утренней газете.

С полдесятка мужчин заржали.

– Черта с два! – воскликнул первый. – Ты знал об этом задолго до того. Ведь именно ты убил Аля Спинголу!

– Вам что, кирпич на голову упал? – холодно осведомился Тони.

– Не тяни резину, себе же хуже делаешь. Мы все знаем. Давай, колись.

– Я понятия не имею, о чем вы, – ответил Тони с таким видом, словно весь этот допрос ему уже сильно надоел.

– Решил поартачиться?

– Нет, просто говорю правду.

– Где ты находился с двенадцати до трех ночи?

– Дома в кровати.

– Доказать сможешь?

– Вся моя семья подтвердит.

– А вот это у тебя откуда? – внезапно рявкнул еще один детектив и сунул под нос удивленному Тони револьвер, из которого был убит Спингола.

Парень сглотнул, но титаническим усилием воли сумел сохранить напускное спокойствие.

– Впервые его вижу, – стоял он на своем, а сам думал: интересно, сколько известно легавым?

Дело принимало скверный оборот. В те времена полиция расследовала убийство гангстера столь же тщательно, как и любое другое, и точно так же не жалела усилий на поиск виновника.

Оставалось блефовать.

– Впервые его вижу, – повторил он, дерзко выпрямившись.

Внезапно главный наотмашь ударил его по губам.

– Хватит увиливать! Выкладывай правду!

– Не распускайте руки! – холодно прошипел Тони, но глаза его пылали. – Мой брат полицейский и рассказывал, как вы из людей признания выколачиваете. И еще: у меня полно влиятельных друзей, и я сам когда-нибудь стану в родном городе большим человеком. Так что обращайтесь со мной по-хорошему, это в наших общих интересах.

– Нет, вы слышали? – фыркнул один из копов. – Такого языкастого гаденыша я еще не встречал...

– Говорят, ты крутил шашни с одной из девчонок Спинголы? – продолжал главный.

Тони улыбнулся:

– Говорят, у него их было полгорода.

– Нет, я имел в виду постоянную девушку, его подругу. Сам знаешь, о ком я – высокая такая, длинноногая блондинка. Выступает в «Театре радости».

– Не понимаю, о ком вы.

– Два-три дня назад всезнайки из твоего района стали поговаривать, что вы с ней встречаетесь. Все думали: добром это не кончится. И вот Аль мертв.

– Даже если я с ней встречался, что с того? – возразил Тони. – Это у него был мотив меня прихлопнуть, а не наоборот. И вообще, неужто такой хороший стрелок, как Спингола, позволил бы себя завалить мальчишке вроде меня?

– Да, верится с трудом, – ответил главный.

За дверью внезапно послышался шум, и в комнату ворвался усатый коротышка с живым взглядом.

– У меня предписание об освобождении мистера Гуарино за недостаточностью улик, – с достоинством объявил он и помахал документом.

Детективы удивленно открыли рты. Быстро. А значит, у заключенного есть связи. Кто бы мог подумать, что мальчишка связан с организованной преступностью? Тем не менее документ говорил сам за себя. И поскольку доказательств не хватало, чтобы на законном основании посадить Тони в камеру, пришлось уважить предписание и отпустить парня.

– Не держите зла, ребята, – весело бросил он и вышел следом за адвокатом.

Глава 4

В банде О'Хары для Тони хватало интересной работы. Вначале ирландские парни отнеслись к итальянцу настороженно, однако после того, как прошел слух, что именно он застрелил грозного Спинголу, враждебность исчезла, словно туман под солнцем, и Тони был принят с восторженной благожелательностью. Сам он никогда не упоминал о том случае, не отрицал и не хвастал, просто денно и нощно ждал мести от подручных Спинголы. На улице за Тони по-прежнему постоянно следовал вооруженный телохранитель, о котором не знали даже в банде О'Хары.

Довольно быстро Тони показал свое умение руководить и вскоре стал помощником Клондайка, однако сразу дал понять, что грабежи, разбойные нападения и кражи со взломом не для него. Свою позицию он объяснял короткой фразой, которая впоследствии стала знаменитой: «Не хватало еще сесть за пару баксов».

Такое отношение определяла не этика, а экономика. Тони сопоставлял возможные риски и выгоду и решал, стоит ли игра свеч. Грубую силу он презирал – ни тебе приключения, ни азарта. Предпочитал действовать тоньше и умнее, на грани вымогательства и шантажа. Например, мог в два счета убедить мелкого лавочника, что пять-десять долларов в месяц – очень недорого, чтобы обезопасить магазин от грабителей, а себя от ночного удара по голове на пути домой. Не переводились и трусливые гусыни, готовые ежемесячно выкладывать по двадцать пять – пятьдесят центов за уверенность, что их ребенка не похитят ради выкупа. Такие люди регулярно платили мзду и не плакались, когда к ним приходил сборщик, – словно просто отдавали страховые взносы. Тони мог придумать несколько подобных схем за день, и они всегда приносили плоды.

«Зачем мочить или бить по башке, если можно просто договориться? – объяснял он О'Харе. – Так и спокойнее, и занятнее».

С какой стороны ни посмотри, к Тони стали относиться с уважением, и он знал почему. Прошел слух, что он убийца. Тони убил всего раз, по сути дела, из самозащиты и в основном под влиянием страха, однако его записали в убийцы, и всю будущую жизнь ему предстояло иметь дело с теми преимуществами и недостатками, что прилагаются к этой бирке.

Зарабатывал Тони теперь около трех сотен в неделю, что до принятия «сухого закона», сделавшего гангстеров миллионерами, было, по их меркам, громадной суммой. Доходы позволяли отменно проводить время с Вивиан, которая перебралась в хорошее жилье и прекратила выступать в кабаре. Цenia, как и многие блондинки, легкую жизнь, девушка охотно ему подчинялась. Сам Тони пока жил с родителями – и набирался храбрости съехать. Бен, услышав, что в главном управлении Тони поджаривали насчет убийства Спинголы, дома подверг брата еще одному допросу с пристрастием, а остальная семья тем временем причитала на заднем плане. Однако хитрый Тони в правильные моменты сурово хранил молчание, в другие же был вежлив и говорлив, благодаря чему его родные, подобно детективам, уверились, что он никак не причастен к свержению криминального босса.

Однажды субботним вечером, незадолго до семи, Тони явился к Вивиан в приподнятом состоянии духа.

– Ну что, крошка, какие планы на вечер? – спросил он.

– Махнем к Колозимо?

– Не-а, не люблю его заведение. Давай лучше в одно из этих славных местечек на Северной стороне.

– А я хочу к Колозимо! – Вивиан капризно надула нижнюю губку.

– Не люблю его.

– Почему вдруг?

- По субботам там ошивается слишком много ребят, что прежде ходили под Спинголой.
- Боишься? – фыркнула Вивиан.
- Похоже, настроение у нее было ни к черту.
- Нет! Просто не вижу смысла лезть на рожон и нарываться на пулю в спину.
- А-а, ясно. Может, тогда к Блуму?
- Ну, это не так уж далеко от Колозимо, но тамошний народ поприятнее. Ладно, давай

туда.

Тони держал большую часть своего гардероба у Вивиан в квартире. Оставалось лишь помыться, побриться и надеть отглаженный, по фигуре, смокинг. Однако даже в спальню девушки он зашел вооруженным – под левой подмышкой в наплечной кобуре висел револьвер, а в правом кармане прятался крошечный автоматический пистолет из вороненой стали.

Вивиан выглядела просто сногшибательно в сверкающем вечернем платье зеленого цвета и мягкой белой накидке. «Красивая пара», – сказал бы любой, увидев, как они выходят на улицу и садятся в лимузин. Машина принадлежала Тони, который, сдержав данное себе слово, завел лучшую, чем у брата, причем с той же легкостью.

В огромном и красивом кабаре Айка Блума на Двадцать второй улице молодые люди выбрали столик на краю балкона – выигрышная позиция, с которой удобно наблюдать за всем, самым не привлекая внимания. К тому же здесь, в конце подковообразного кафе, Тони мог сесть спиной к стене и за счет этого наслаждался еще больше.

Они съели роскошный ужин, дополненный великолепным шампанским, посмотрели сверкающее, хоть и несколько обнаженное ревю, после чего расслабленно пили, курили и болтали до одиннадцати, а там началось основное веселье. Тони тщательно изучал взглядом входивших гостей. К половине первого заведение почти заполнилось, но врагов или даже просто подозрительных лиц не было, и он согласился потанцевать с Вивиан.

Молодые люди танцевали, а в промежутках пили и пробовали разнообразные легкие, но дорогие закуски. Каждый час вниманию публики предлагалось новое ревю.

Во время одного из них, пока огромная женщина во множестве бриллиантов проникновенно пела чудным голосом о любви при луне, Тони внезапно напрягся, привлеченный дамой прямо напротив, на другом конце балкона. Сногшибательная брюнетка в великолепном белом платье, явно очень молодая. Плотный юнец рядом с ней походил на профессионального боксера.

- Что за женщина! – восхищенно выдохнул Тони.
- Где? – проворчала Вивиан.
- Вон та брюнетка в белом.

Забеспокоившись, Вивиан с прищуром глянула на незнакомку, после чего повернулась к Тони и насмешливо фыркнула:

- И что ты в ней нашел?
- Ревнуешь?
- Было бы к кому! Кстати, балбес рядом с ней похож на домушника.
- Может, он такой и есть, – невозмутимо ответил Тони. – Не самая плохая профессия.

Любопытно, кто эта девушка?

- Уверена, обычная потаскушка.

– А я уверен, что нет, – отрезал Тони, подзывая официанта. – Эй, знаешь вон ту даму в белом... симпатичную брюнетку напротив?

Официант посмотрел и улыбнулся:

- Это мисс Джейн Конли.
- Никогда не слышал.

– Возможно, вы знаете ее под другим именем. Для большинства она Оружейница, та самая.

– Боже! – ахнул Тони. – Так это она?

– Да, сэр, хотя мы предпочитаем не распространяться. Не хотим здесь никаких неприятностей.

– Конечно, – сухо согласился Тони.

– Кто такая Оружейница? – капризно спросила Вивиан, когда официант ушел.

– Что ж, крошка, просвещу немного о преступном мире, хотя, видит бог, это не единственный твой пробел. Действительно, хорошего стрелка обычно прекрасно знают, причем не только те, кто с ним одного поля ягода, но и легавые. Едва завидят на улице – останавливают и обшманывают: не замышляет ли чего. Двух кварталов не пройти без обыска, приходится держать под рукой кого-то еще. Обычно красивую, хорошо одетую девушку, которую никто не заподозрит. До поры до времени она носит вместо стрелка пушку, а потом незаметно передает ему и невозмутимо уходит. Стрелок обтяпывает дельце и линяет, а пушку незаметно сбрасывает ей. Девушка тут же исчезает – машина с улицы или такси, а то и пешком или еще как, – но спокойно, словно торопиться некуда. Так что, если стрелка и заловят, при нем все равно ничего не найдут. Ясно?

– Тоже мне доблесть!

– Не понимаешь? Хорошая оружейница на вес золота, да будет тебе известно. Для такой работы нужны голова на плечах и немало храбрости. Та девушка напротив – если официант не наврал – самая знаменитая среди них. Оружейница с большой буквы. О ней поговаривают уже несколько лет, но я даже не знал ее имени. Начинала она с Нью-Йорка и Пиявки Бенсона, а когда его все же упекли за решетку, перешла к Левше Келли. Затем того убили, и Оружейница перебралась сюда, к Асу Дэрби. Вероятно, до сих пор с ним. Может, это он рядом с ней и есть.

– Нет, это не Ас.

– Откуда знаешь?

– Встречались однажды, на вечеринке.

Они снова пошли танцевать. Оружейница со спутником кружились неподалеку. Вблизи девушка казалась еще красивей и обворожительней, и Тони так часто бросал на нее взгляды, что не сразу понял: с Вивиан пытается заигрывать мужчина. Крупный и грузный, он был одет в несколько мешковатый деловой костюм серого цвета и выглядел достаточно взрослым, чтобы понимать, кому не стоит переходить дорогу. Мужчина танцевал с миниатюрной блондинкой, которую прижимал к себе, словно ребенок куклу. Блондинки явно были его слабостью. Вел он себя вовсе не по-джентльменски. Явно успел принять на грудь.

Когда Тони со спутницей на мгновение оказались рядом, мужчина помахал Вивиан и выразительно подмигнул. Смуглое лицо Тони побагровело. Затем пары сблизились еще раз.

– Привет, милашка! – с усмешкой воскликнул новоявленный поклонник. – Как насчет следующего танца?

Тони выпустил партнершу, вырвал из рук мужчины его миниатюрную блондинку и так врезал наглецу в челюсть, что тот не только упал на пол, но и проехал пару шагов.

– Идем, крошка! Сваливаем, – бросил Тони и схватил Вивиан за руку.

Почти прямо к их столику вела узкая, редко используемая лестница. Они торопливо поднялись по ней, и Тони лихорадочно замахал официанту.

– Здорово вы его приложили, сэр, – улыбнулся тот, быстро суммируя счет. – Он, бесспорно, нарывался. Только шороху будет, как очнется. Вы ведь знаете, кто это?

– Нет.

– Капитан Флэнеган.

– Ни хрена себе!

Тони глянул на счет, бросил пятидесятидолларовую банкноту и торопливо повел Вивиан к выходу.

– Кто такой этот Флэнеган? – спросила та по пути.

- Главный по розыску... говорят, самый пакостный человек в полиции.
- Думаешь, будут неприятности?
- Ну, все это явно не к добру, – мрачно ответил Тони.

Через четыре квартала он сбросил скорость, поджидая телохранителя, и так проехал еще полквартала. Потом, заметив в боковом зеркальце свет фар незнакомого автомобиля, снова поддал газу.

Они остановились перед домом Вивиан, и девушка быстро выбралась. И вдруг, изрыгая огонь и пули, мимо просвистела машина и умчалась в ночь. Вивиан, закричав, бросилась обратно.

- Тони! Ты цел?

Он встал с пола, по которому предусмотрительно распластался, услышав пронзительные завывания чужого двигателя.

– Угу, меня не задело! Большая удача, что ты успела выйти. На полу бы не хватило места обоим... Эй, а ты торопилась. Может, знала что-нибудь?

- Боже, Тони, как ты можешь так говорить!
- Человек еще и не то скажет, если кто-то пытался напиговать его свинцом.

Глава 5

Капитан Флэнеган показал зубы незамедлительно. В понедельник днем сыщики ворвались в салун О'Хары, отвели Тони в сторонку и приказали ехать с ними.

– Я знаю, из-за чего сыр-бор, – сказал Тони озадаченному и полному дурных предчувствий Клондайку. – Вряд ли у них на меня что-то есть. В любом случае подожди пару часиков, прежде чем посылать ходатая с предписанием.

Тони отвезли прямо в Детективное бюро и втолкнули в кабинет капитана Флэнегана, после чего дверь захлопнулась, и они остались наедине. Флэнеган вышел из-за стола. Крупный, широкоплечий и плотный, он агрессивно выпятил подбородок, губы недобро кривились, а серые, близко посаженные глаза-буравчики были налиты кровью.

– Так это ты тот паршивец, что на днях ударил меня у Айка Блума? – прорычал он.

– Да, сэр, – спокойно ответил Тони. – На моем месте так поступил бы любой. Вы сами тоже не позволили бы оскорблять свою даму.

– Вот как? Вряд ли даму такой швали, как ты, можно действительно оскорбить!

Без предупреждения он наотмашь ударил Тони по губам. На мгновение пошатнувшись, тот резко втянул дыхание от боли, глаза вспыхнули яростью, руки поднялись к груди.

– Только посмей ударить, мразь! – рыкнул Флэнеган. – Сюда тотчас прибежит с десяток человек и отходит тебя резиновыми дубинками до полусмерти.

– С вас станется, – горько согласился Тони. – Ваши повадки.

– В смысле... мои повадки?

– Да так, ничего.

– В какие игры ты играешь?

– Я не играю.

– Да ну?! Ты околачиваешься у Клондайка О'Хары, а они шайка негодяев. Хватит уже, колись! Чем занимаешься?

– Ничем... в общем-то.

– Ну, что ты делаешь для О'Хары?

– Выполняю приказы.

– Умника корчить вздумал? – С глумливой усмешкой Флэнеган снова ударил Тони и, увидев, как поднялись кулаки парня, потянулся к кобуре. – Эй, выродок, руки опусти! Я научу тебя уважать приличных людей. Кончай ломаться! Чем промышляешь: домушничество, мокруха или еще что?

– Я никогда не связывался с мокрухой или прочей тупой работой, – гордо ответил Тони.

– Неужели? А откуда тогда у тебя все эти красивые тряпки и большая машина?

– Зарабатываю своими способами.

– Не сомневаюсь, – сухо съязвил Флэнеган. – Вот и хочу узнать, что это за способы. Давай рассказывай, не то позову парней, и они тебя так отделают – век не забудешь!

– На вашем месте я бы семь раз подумал. – Глаза и леденящий тон парня выражали угрозу. – Когда-нибудь я могу стать большим человеком в нашем городе и... подкидывать вам на карман.

– В смысле «подкидывать»? – фыркнул Флэнеган. – Думаешь, меня можно купить?

– Почему бы и нет? Остальные копы продаются. Только полный дурак не воспользуется возможностями, если они есть.

– Не, ну вы видели наглеца! – воскликнул шеф детективов. Он настолько разошелся, что ярость чуть ли не сочилась у него из-под воротничка.

– Значит, так, – наконец проговорил Флэнеган. – Я не собираюсь больше тратить на тебя время. Даю сутки, чтобы убраться из города. А слушаешься – пеняй на себя. Ясно?

– Да, но это не повод уезжать.

Парень вышел из кабинета. Губы его сошлись в тонкую линию, сердце переполняла жажда убийства.

Вернувшись в салун О'Хары, он рассказал все Клондайку. Глава группировки не скрывал огорчения.

– Дело дрянь, малыш. Флэнеган поганец еще тот и при желании может здорово подпортить жизнь.

– Да пошел он! – фыркнул Тони. – Тоже мне, шишка!

Выделенный срок близился к концу, а Тони так и не покинул город. Вскоре он был вынужден признать правоту Клондайка О'Хары. Такой травли со стороны полиции парень не ожидал. Его задерживали по десять раз на дню. У О'Хары, на улице, везде, где только можно. Останавливали, обыскивали, задавали вопросы. Из страха перед полицией Тони не осмеливался носить револьвер, хотя знал, что остатки банды Спинголы до сих пор жаждут его крови. Неделя такой жизни совсем его измотала.

Однажды вечером сыщики даже ворвались в квартиру Вивиан и под предлогом поисков краденого перевернули все вверх дном. Да и хозяйку допрашивали, скорее дотошно, чем галантно.

– Так, значит, это ее ты увел у Спинголы? – Один из копов плотоядно покосился на Вивиан. – Неудивительно, что бедолага взбесился. На ней и впрямь глаз отдыхает... Как насчет свидания, малышка?

– Послушайте... – с угрозой начал Тони.

– Я с легавыми не разговариваю, разве только когда уж совсем приходится, – фыркнула Вивиан и, отвернувшись, задрала нос.

– Ну, тебе небось уже не раз приходилось, – буркнул отвергнутый детектив. – И если будешь якшаться с такими, как этот головорез, придется еще. Так что не смотри свысока, крошка. Глядишь, понадобится.

В пятницу Клондайк О'Хара пригласил Тони в свой кабинет, захлавленную комнатуху, где стояли обшарпанный письменный стол с откидной крышкой и два кресла, некогда имевших цвет золотистого дуба. Ирландец был без пиджака, полы его незастегнутого замызганного жилета удерживала вместе тяжелая золотая цепь от часов. Шляпу-котелок он надвинул почти до переносицы, в уголке узкогубого, испачканного табаком рта торчала изжеванная сигара.

– Присаживайся, Тони, – пригласил он.

Почувствовав себя очень неудобно, Тони сел. Любопытно, как это понимать? Обычно О'Хара отдает приказы, собирает доклады и награбленное и ведет прочие дела своей банды в конце бара. В кабинет он зовет лишь по важным причинам.

– Я всю неделю о тебе волнуюсь, – начал главарь. – Копы так просто не слезут, малыш. Даже не надейся. Будут держать под колпаком, пока не возьмут тепленьким. Флэнеган – поганый мужик, и раз уж в кого вцепился, висит как бульдог. Будь ты достаточно большой шишкой, чтобы отстегивать каждую неделю жирный куш, он бы, возможно, с тебя и слез. Но ты не такой, увы. Между тем головное управление уже и на меня с ребятами зуб точит. Легавые, ясен пень, шныряют здесь днями из-за тебя, однако и к остальному приглядываются. Продолжат вынюхивать – рано или поздно увидят или услышат то, из-за чего все мы окажемся в жопе. Извини, но тебе сюда лучше больше не приходиться.

– Значится, указываешь на дверь? – холодно осведомился Тони.

– Не в том дело. Черт, малыш! Ты мне нравишься, и я хотел бы оставить тебя навсегда. Неужто не понимаешь? Такое пристальное внимание полиции до добра не доведет.

– Да, наверно, ты прав. А что насчет моих задумок, начатых прожектов?

– Ты продолжишь получать свою долю. Буду отсылать ее по субботам куда скажешь. И не стану обманывать, малыш. С радостью отдам все, что причитается. Просто нехорошо втравливать из-за тебя в неприятности остальных ребят.

Они пожали друг другу руки, и Тони вышел, понимая, что уволен из-за того нежелательного внимания, которое привлек ко всей банде, подвергшись гонениям со стороны полиции.

В баре к нему робко подошел один из людей О'Хары.

– Вот что, – сказал он с сигаретой в углу рта, – я сегодня прослышал, что шайка Спинголы намерена свести с тобой счеты.

– Они пытались и раньше, да не вышло, – холодно ответил Тони.

– Знаю, но на этот раз они настроены серьезно. Не промахнутся, мол.

– Спасибо. Копы или не копы, а похоже, опять придется ходить со стволом. Возможно, удастся выбросить, если снова заловят.

Тони задумчиво вышел на улицу и махнул телохранителю, попыхивавшему сигаретой у двери напротив. Тот двинулся навстречу: худой и бледный, со слабовольным подбородком и горящими черными глазами.

– Мне только что шепнули, что банда Спинголы очень хочет моей крови, – сообщил Тони. – А я без оружия. Собираюсь домой за пушкой. Будь начеку.

Он глянул по сторонам и торопливо двинулся по тротуару, цепким взглядом настороженно посматривая вокруг. Телохранитель держался позади в паре десятков шагов, глубоко засунув руку в правый карман пиджака.

Под гнетом полицейской слежки и травли Вивиан становилась все раздражительнее. За ужином она была взвинченной и не в духе, и Тони отправился в кино один.

Всего несколькими днями ранее Америка вступила в Первую мировую, и на экране мелькнул призыв записываться в армию добровольцем для срочной службы за границей. Интересно, подумал Тони, что за олухи согласятся? Его уж точно не заманишь. Разве он что-то должен этой стране? Что вообще Америка ему дала? Выходя после фильма, он цинично посмеивался. Взгляд обшаривал толпу, ища возможных врагов, как со стороны закона, так и стоящих вне его. Никого не заметив, Тони быстрой походкой направился домой. С его машиной еще возились ремонтники, которым он сдал ее после субботнего покушения возле дома Вивиан.

Свернув из деловой части на темные пустынные улочки, он внезапно услышал за спиной шаги и настороженно обернулся. По противоположной стороне улицы в его направлении шли трое мужчин. В груди похолодело, рука незаметно потянулась к заряженному револьверу в боковом кармане.

Однако сначала следовало удостовериться, что эти трое действительно явились по его душу... что они убийцы из банды Спинголы. На следующем углу Тони свернул налево и прибавил шагу. Троица быстро пересекла улицу и чуть ли не побежала следом, пока снова не оказалась в своей любимой позиции – напротив и немного сзади.

Тони понял, что его собираются убить и просто ждут удобного места. Способа стряхнуть убийц не было никакого. Побежишь – начнут стрелять, крикнешь – то же самое, и никто не придет на помощь, потому что здесь обычай не совать нос в чужие дела стал чем-то вроде непреложного закона. Оставалось лишь одно: выждать возможности для атаки и вступить в перестрелку.

По пятам шла смерть, почти столь же верная, как при государственной казни, но Тони такое и в голову не пришло: гангстеры, как правило, лишены поэтического воображения. Преследователи внезапно двинулись наискосок, чтобы зайти за спину. Зная, какое громадное преимущество дает внезапная атака, Тони решил действовать первым. Молниеносно слился с тенями в дверном проеме и начал стрелять. Троица ответила пальбой, вокруг свистели пули, выбивая из стен штукатурку. За спинами преследователей тоже мелькали вспышки – в бой вступил телохранитель. Убийцы оказались между двух огней.

Тони стрелял из укрытия с ледяным хладнокровием и убийственной меткостью. Один из противников упал и остался лежать. Второй тоже упал, но потом кое-как поднялся и, прихрамывая, удрал вместе с третьим. Враги были повержены.

Вдали взвыла сирена: характерное «виу-виу-виу!» принадлежало патрулю Детективного бюро. Наверняка примчались на выстрелы. Тони выскользнул из укрытия и, даже не удостоив неподвижного противника взглядом, прошмыгнул мимо. Нагнал телохранителя и на бегу затащил его в темный вонючий переулок.

– Отличная работа, приятель! – Тяжело дыша, Тони передал ему двадцатидолларовую банкноту. – Одного замочили, другого ранили, теперь надо срочно замести следы. Кидай пушку через ограду! – Тони вышвырнул свой револьвер, и телохранитель последовал его примеру. – Теперь, если заловят, мы чистенькие. Но мы ведь не хотим, чтобы нас заловили, поэтому в конце переулка разделимся. Линяй отсюда как можно дальше и быстрее, только не привлекая внимания. Если вдруг остановят, ты не видел меня весь вечер. Ходил в кино. Ясно?

Телохранитель кивнул и на выходе из переулочка исчез в темноте, свернув направо. Сам Тони пошел налево и уже через пять минут удалился от места стрельбы на семь кварталов. За время недолгой прогулки он успел о многом подумать. Тот мертвец был явно из банды Спинголы. Полицейские, которые обнаружат тело, разумеется, тоже это поймут, а там сложить два плюс два не составит большого труда. Его тут же станут искать. С одной стороны – копы, с другой – банда Спинголы, потому что после сегодняшнего они еще больше захотят мести. В городе станет чересчур опасно, надо бы на пару месяцев уехать. Только куда? Чем заняться?

Вспомнился призыв, виденный в тот день на киноэкране. Ха! Можно записаться в армию. Если так подумать, это сулит ряд преимуществ: никто не догадается там искать, да к тому же путешествия, возможность посмотреть мир, причем за бесплатно. Раз вмешалась Америка, война долго не продлится – небольшие приятные каникулы.

Меж тем положение становилось серьезным. Полиция должна была вот-вот начать поиски Тони по всем известным берлогам. Он не осмеливался пойти ни к родителям, ни к Вивиан, ни к О'Харе и позвонил тому из аптеки.

– Привет, Клондайк. Это Тони. Я только что выиграл в небольшой битве с парочкой ребят Спинголы. Одного насмерть, второго оцарапало. Наверное, легавые меня уже ищут. Решил ненадолго убраться из города. Хотел бы перед отъездом потолковать с тобой и Вивиан, но не решусь пойти ни к тебе, ни к ней. Может, встретимся где-нибудь?

– Пожалуй, лучше всего это сделать на квартире у одной из моих дам. – О'Хара назвал адрес. – Там наверняка безопасно. Я сразу поеду к ней и буду тебя ждать.

Позвонив Вивиан, Тони поймал такси. По названному адресу стоял большой многоквартирный дом в спокойном квартале. Выяснив, что нужная квартира на третьем этаже, он поспешил наверх и тихо постучал. О'Хара впустил его внутрь и представил крупной, похожей на лошадь блондинке по имени Герти, обладательнице густых волос цвета соломы и голубых глаз с темными кругами от разгульной жизни. Ее пышные тела были завернуты в лавандовый пеньюар, щедро отделанный крашеным мехом. Дополняли картину лавандовые шлепанцы с огромными помпонами, надетые на босу ногу. Герти громко и утробно смеялась по малейшему поводу и все суежилась, тревожась, что кому-нибудь не хватит выпивки. Квартира а-ля французское рококо с голубой тафтой на стенах ломилась от вычурной мебели.

Тони быстро объяснил положение дел и сказал, что планирует ненадолго покинуть город. О'Хара это одобрил и пообещал каждую неделю посылать Вивиан и миссис Гуарино долю прибыли, что причиталась Тони с его начинаний.

Затем прибыла Вивиан, и О'Хара с редкой в людях его типа прозорливостью вывел Герти в другую комнату, оставив их наедине. Тони быстро ей все объяснил и сказал, что намерен вступить в армию.

– Тебя могут убить.

– Ну, – усмехнулся Тони, – здесь меня тоже либо кокнут, либо засадят на много лет.

– Тони, а как же я без тебя? – шмыгнула носом Вивиан.

– Я договорился с О’Харой, он каждую неделю будет посылать тебе деньги, – рассудительно ответил парень. – Пару месяцев продержишься, потом и я вернусь. А я вернусь, не сомневайся. И надеюсь, – в его голосе появилась нотка угрозы, – ты меня дождешься.

– Дождусь, Тони, конечно, дождусь. – Прижавшись к нему и безудержно всхлипывая, она осыпала его лихорадочными поцелуями. – Если бы ты знал, малыш, как я тебя люблю! Возвращайся, пожалуйста!

Он впился в губы Вивиан со всей той страстью, что некогда побудила его рискнуть ради нее жизнью и совершить убийство.

О’Хара отвез Тони в Саут-Бенд; парень лежал на дне кузова, пока они не покинули пределы города. Около часа ночи прибыл нью-йоркский поезд. Двумя днями позже Тони уже был в армии, стал недостижимым для своих врагов. В те времена рекрутам не задавали много вопросов.

Глава 6

Из Тони Гуарино вышел хороший солдат. Его отправили к пулеметчикам, и ему там понравилось. Офицеры не уставали поражаться хладнокровию новобранца под огнем – не знали, что смотреть смерти в глаза для него обычное дело. К тому же отражать атаки дома приходилось без тысяч помощников, да и окопы в уличных битвах не защищали. В общем, Тони счел войну довольно простым занятием и с удовольствием в нее включился.

За полгода он заработал лычки старшего сержанта. В батарее служили преимущественно деревенские ребята, которые имели с Тони мало общего и не питали к нему особой симпатии, но трудноопределимое «нечто» прирожденного лидера заставляло их подчиняться без вопросов. Однажды во время тяжелого ночного боя в лесу Тони пришлось применить свои лидерские качества в деле. Полуслепой от собственной крови, он вывалился из темноты, таща на себе бесчувственное тело капитана, и увидел, что всех офицеров вывели из строя и отряд на грани паники. Осторожно опустив капитана, он велел двум сослуживцам взять аптечку первой помощи и сделать все возможное, затем вытер кровь с глаз и спокойно принял командование на себя. Вскоре после рассвета полковник с удивлением обнаружил под началом Тони три батареи, которые общими усилиями без труда удерживали свой участок периметра. Сам Тони сидел на пригорке, где его в любую минуту мог снять вражеский снайпер, и с пистолетом на колене цепким взглядом обшаривал линию обороны в поисках возможных дезертиров. Это надо было видеть! Босые ноги облеплены грязью, голова обмотана окровавленным носовым платком и тряпками...

– Вот же нахал, чтоб его! – повернулся полковник к своим офицерам. – Взял все в свои руки и справляется лучше, чем многие майоры! Прорвись здесь фрицы, уничтожили бы нас подчистую.

– Эй, слезай! – окликнул он Тони из грязной траншеи, по которой пришел, собирая остатки своего полка. – Иди перебинтуй раны.

– У нас некому командовать, – возразил Тони. – Большинство офицеров отдали концы, а некоторых я отправил в тыл – заштопать. Конечно, в сознании они не согласились бы, но все поотключались, чисто лампочки, так что совершенно не доставили хлопот. Ребята отлично сражаются, если за ними присматривать, – продолжал он, – однако без надзора начинают слегка нервничать. Останусь здесь, пока не прибудет какой-нибудь командир.

– Ишь ты! – воскликнул полковник, повернувшись к своим подчиненным. – Видали? Еще и упирается, ждет, пока отстрелят голову! – Он повысил голос, снова обращаясь к Тони: – Я полковник Райли. Со мной капитан Стоун, он присмотрит за твоими людьми. А теперь давай, живо! Слышишь? Ступай в тыл, займись ранами. Нам нужны такие, как ты.

Тони, пошатываясь, встал со своего опасного пригорка, отдал честь полковнику, молча пожавшему ему руку, и неохотно направился в тыл.

Не успел закончиться день, как полковник Райли стал обладателем полного отчета о ночных событиях и послал в генштаб такой доклад, что Тони, увидев его, еще долго ходил бы под впечатлением. В итоге парня наградили крестом «За выдающиеся заслуги» и французским «Военным крестом». Причем он не понимал, за что, ведь просто действовал по обстоятельствам, как в уличной стычке дома.

Наконец было заключено перемирие, и Тони отправился на родину. Парень неплохо подготовился. Ловкий игрок, он умело околпачивал олухов и успел увеличить свой личный капитал до шести с лишним тысяч долларов, спрятанных в поясе под мундиром. Не раз во Франции ему казалось, что все это можно с легкостью отдать за один-единственный час с Вивиан.

За годы войны власти сделали все, чтобы отточить его мастерство убивать разными способами, но, отпустив с благословением в виде почетной демобилизации, похоже, ожидали, что

он сразу все позабудет и станет мирным законопослушным гражданином. Завышенные требования и к обычному человеку, не говоря уже о Тони.

Парень вернулся домой с новым лицом и множеством новых задумок, обещавших стать выгодными лично для него, однако вредных для общества. После той кошмарной ночной битвы в лесу, что принесла ему медали, которые он прятал во внутреннем кармане, не оставляя на виду даже ленточек, остался длинный мертвенно-бледный шрам на левой щеке – от верхушки уха до самого подбородка. Нервы и мышцы вокруг губ тоже несколько пострадали, и с тех пор уголок рта был постоянно приподнят и неподвижен. Внешность это удивительно изменило, а улыбка стала поразительно злобшей.

Тони спешил с вокзала, военная форма и пилотка придавали ему мальчишеский и лихой вид. В руке саквояж, в боковом кармане мундира – автоматический пистолет немецкого офицера, привезенный с фронта как сувенир.

Наконец-то дома! Первым делом к Вивиан. Боже! С какой радостью он вновь стиснет ее в объятиях, почувствует, как трепещет, прижимаясь к нему, гибкое податливое тело!

Подозвав такси, Тони сообщил адрес и велел водителю газовать от души. Истомленные разлукой глаза узнали здание даже в темноте, за два квартала. Взгляд принялся искать прежнюю квартиру.

В окнах свет! Вивиан дома. То есть если она все еще там живет. Тони добавил это задней мыслью, как ужасную возможность. И вдруг, крикнув, усмехнулся. Конечно, Вив будет ждать. Как она рыдала, как клялась в ночь их расставания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.